

—Итак, мы перешли в 1973-й год. Год в определённом смысле этапный, так как в мае этого года истек срок договора по "Квадрату", и мы должны были предъявить заказчику (теперь не РТИ, а "Вымпелу") работающую модель, а не соображения о том, как модель надо строить.

—К описываемому времени руководство ИЗМИРАН попривало Гострема, нахрапистость и глобальные замашки которого вызывали уже беспокойство у администрации института. Осенью приезжала комиссия от дирекции в составе: заведомо кадров Анна Тимофеевна Яньшина, главбух Александр Владимирович Лепилин и заведующая финансово-плановым отделом Елизавета Георгиевна Карманова, старые опытные кадры, оплот измирановской бюрократии, дружно нелюбившие Гострема. Комиссия проверяла состояние хозяйственно-организационных дел в обсерватории и выявила целую кучу всевозможных финансовых и кадровых нарушений, в результате чего обсерватория лишилась собственного расчётного стола в Калининграде, и была ликвидирована должность бухгалтера. Вновь, как и было до Гострема, все денежные расчёты по обсерватории возлагались на измирановскую бухгалтерию, чем Гострем был очень недоволен, поскольку терял возможность непосредственно и оперативно распоряжаться финансами.

—Далее комиссия обратила внимание на тот факт, что некоторые сотрудники обсерватории (я, в первую очередь, а также Лена Васильева и Сашуля) работают фактически на университет, выполняя его договорную работу с "Вымпелом". Пришлось Гострему заключить договор между КГУ и КМИО, по которому часть денег от "Вымпела" университет передавал ИЗМИРАНУ в оплату субподрядных работ, которые выполняла обсерватория. Нам это только прибавило отчётности. Теперь помимо прямых отчётов по "Квадрату" для "Вымпела" мы должны были составлять отчёты по хоздоговорной теме "ДМИ" для университета. В этой ситуации Гострем оказывался одновременно и заказчиком, и исполнителем по одной и той же теме, работодателем и наёмной силой, будучи руководителем работ и в университете, и в обсерватории.

—Сохранялась и плановая (бюджетная) тема "ДМИ", по которой тоже надо было писать отчёты - для ИЗМИРАНа. Кроме того, у обсерватории был и прямой договор с "Вымпелом" - по теме "Калина", на которой работали Саенко, Иванов, Пахотин, создавая пресловутый ионосферный диагностический комплекс.

—Необходимость писать отчёты сама по себе меня не угнетала. Было бы чем отчитываться, были бы результаты. А с результатами дело обстояло так. Модель уже почти работала. Для стационарных дневных условий получались вполне правдоподобные распределения с высотой концентраций и температур электронов и ионов, что было, конечно, уже немалым достижением, добытым ценой героических усилий Латышева, Захарова и Суроткина, а вот суточная вариация никак не хотела считаться. Как только дело подходило к заходу солнца, температуры начинали бешено расти, а концентрации падали аж в область отрицательных значений, чего машина вынести не могла и выдавала АВОСТ - автоматическую остановку выполнения программы. В нашей модели ионосфера вечером выкипала как вода из чайника, забытого на включённой плите.

—В Вильнюсе всё время находился кто-нибудь из нашей бригады - Костя, Лёня, Суроткин, Лена Блик. Идеологом программы и численных методов был Костя, на мне лежали интерпретация результатов и корректировка постановки задачи - граничных условий, значений констант химических реакций и т.п. От неудачного выбора входных параметров задачи тоже проистекали ошибки, а не только из-за неаккуратного программирования или некорректных вычислительных методов, хотя, конечно, именно эти ошибки преобладали. Особенно изводили нас ошибки программирования, чаще всего элементарные описки, возникавшие при перфорировании, а то и при дублировании перфокарт. Вылавливать эти ошибки в длинных распечатках наших громадных программ

было очень утомительно и отнимало массу времени.

—Поначалу наша работа была организована так. Костя уезжал на неделю в Вильнюс, накапливал там достаточное количество вопросов и проблем, возвращался с ними в Калининград, и уже здесь мы вместе пытались разобраться в ворохах распечаток. Лёня Захаров, Суроткин, Лена Блик поочерёдно, а то и все вместе больше жили в Вильнюсе, чем в Калининграде. А у Никитина вдруг открылась язва желудка, и он лежал в больнице в Смоленске, где жили его родители. Правда, и до язвы Миша не очень влезал в проблемы основной модели, оправдываясь тем, что не силён в программировании. А тут - болезнь, обострившаяся от неумеренных возлияний, и Миша как-то выпал из нашего коллектива. Считалось, что он разрабатывает упрощённые варианты модели, которые можно будет считать на месте, в Калининграде, на небольших ЭВМ.

—Кончалась зима, до окончания договора оставалось три месяца, из них - месяц на написание и оформление отчёта, а два на то, чтобы завершить отладку программы модели, опробовать её в различных вариантах, сравнить с наблюдениями реальной ионосферы. Стало ясно, что мне нужно сидеть вместе со всеми безвылазно в Вильнюсе. Гострем между тем отнюдь не приветствовал моё вмешательство в дела программирования, старался всячески разграничить сферы моей и Костиной деятельности и вначале возражал против моих поездок в Вильнюс: - Это не надо, так сказать, слишком много людей там собирается, - но потом смирился под нашим с Костей давлением, которое мы на него оказывали, уверяя, что в противном случае выполнение темы окажется под угрозой срыва.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)